

А. И. Юрьев*Санкт-Петербургский государственный университет*

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСАНТЫ И ПОЛИТИКА (К проблеме преодоления антиполитики в России)

Посвящается Борису Герасимовичу Ананьеву

ВВЕДЕНИЕ

Б. Г. Ананьев всю жизнь посвятил подготовке универсантов-психологов, проделав для этого длинный и тернистый жизненный путь. Он сам был абсолютным образцом универсанта, который своей жизнью, своим видом, своей деятельностью показал, что именно здесь, в университете, и именно так, по-университетски, необходимо участвовать в научно-общественной жизни страны. Б. Г. Ананьев никогда не оставался в стороне от реальной жизни в самых тяжких ее проявлениях, работая в военных госпиталях, на маскировке блокированного Ленинграда во время Великой Отечественной войны, в обучении взрослых после войны, в реформировании отечественного образования, легализуя психологическую науку после долгих лет опалы и др. Нет никаких сомнений в том, что он не остался бы равнодушным к исследованиям в области психологии политики, как только для этого открылись бы возможности и необходимость. Говоря о психологии как о сильно разветвленной системе теоретических и прикладных дисциплин, Б. Г. Ананьев напомнил, что «недостаточно изучена как в плане общего, так и особенного в индивидуальном сознании роль отдельных факторов: экономического, *политического*, правового, нравственного и т. д. [1, 2, 3]. Мы не забыли этого напоминания и событий полувековой давности.

Б. Г. Ананьева нет, а страна уже двенадцать лет находится в тяжелом ожидании новой национальной парадигмы. Сегодня мы не ближе к решению этого вопроса, чем в 1985 году. Очевидно, что авторы и организаторы реформации России или понадеялись на то, что нужные решения придут сами в пути, или их теоретические модели оказались не вполне эффективными. У этих моделей нет авторов (таких, например, как Д. Рузвельт), у

них нет исторических названий (например, доктрина Монро), неизвестны интеллектуальные структуры, создававшие эти модели (например, Гарвардский университет). Известно только, что в их разработке не принимали участие отечественные университеты.

Эти строки пишутся в США, в процессе изучения того, как политика документируется, изучается, преподается. Отсюда становится понятным, что фактический запрет или ограничения на обсуждение политики в российских университетах привели государство к катастрофе — распаду СССР и преддверию распада России. Россия никогда не имела настоящих университетских исследований и проектов в области политики, не готовила специалистов в этой области и проиграла сначала политическую дискуссию, а уже затем и территорию, государственные символы. Хотя предпосылки для университетских исследований неоднократно создавались выдающимися российскими учеными [5, 6, 7, 8]. Изучение мирового опыта отношений универсантов и политики приводит к мысли, что и в России решение проблемы эффективного реформирования страны зависит от привлечения к ней университетов и подготовки университетских специалистов высшей квалификации в области *российской и мировой политики*. Осталось ответить на вопрос: как будут выглядеть эти специалисты и как их готовить?

Статья представлена в порядке обсуждения поставленной проблемы на основании опыта работы по подготовке политических психологов в Санкт-Петербургском университете. Первая часть статьи содержит элементы пафоса (надеюсь, простительного), когда речь идет о Петербургском университете, а вторая часть характеризует научно-психологическую технологию подготовки универсантов для выполнения ими своего исторического

предназначения. Это в какой-то степени соответствует стилю Б. Г. Ананьева, каким автор его видел, понял и запомнил.

ОБОСНОВАНИЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ

Современное обоснование.

Универсанты — такие же, как все?

Проблема университетского образования в жизни современной России перестала быть проблемой теоретической и стала насущной задачей дня сегодняшнего. Каким быть универсанту, чем он, собственно, отличается от выпускников и сотрудников других учебных заведений, какова его роль в жизни общества, как готовить его к исполнению этой роли? Актуальность этой проблемы особенно заметно проявляется на примере отношений универсантов и политики.

Когда руководители КПСС во главе с М.С.Горбачевым приступили к реформации СССР, автор настоящей статьи был вовлечен в практическую политику, такую, какой она была в СССР в 1985 — 1991 годах. В стране не оказалось ни специалистов, ни трудов по реальной политической деятельности. У автора и его коллег не было другого выхода, как просто войти в среду бушующих митингов, демонстраций, собраний, выборов и пр. Прямо по ходу включенного наблюдения в стихийную политику осуществлялся поиск литературных данных, разрабатывались теория и методики массовидных политических явлений, политического общества, политического человека, психолого-политических состояний и т.п. [18, 24]. Практически эти научные конструкции применялись в школе интенсивной политической подготовки в Дюнах около Сестрорецка, затем в Осиновой Роще в пригороде Ленинграда, потом в Москве.

Уже тогда, по ходу очень напряженной научно-практической работы, стало очевидно, что митинговая антиполитика с крушением памятников, дискредитацией авторитетов, дезорганизацией управления, дезориентацией общества, деморализацией силовых органов, дезинформацией населения, фальсификацией истории, дезинтеграцией народа и государства, и т.п. полностью себя исчерпала.

(Для справки: автор исследовал вышеупомянутые «дезы», но никогда не участвовал в их разработке и применении [24]).

Бессмысленность продления митинговой антиполитики [17, 28] объясняется тем, что к 1991

году СССР стремительно «завершил восхождение по стволу дерева исходов» своей исторической судьбы и оказался перед выбором одной из многих возможных ветвей движения в неведомое. Однако никто не мог сказать, сколько этих ветвей-исходов, какие они, что выбрать? В России сложилась ситуация, близкая к ситуации перед 1613 годом — годом избрания царем Михаила Романова. Пока же лидеры реформации пропагандировали надежду на то, что «все встанет на свои места естественным образом». В России это называется «по шучьему велению». Тогда универсанты должны были сказать свое слово!

Однако, когда после 1991 года политика должна была приобрести научно-университетские черты, тактика митинговой политики деформировалась в тактику *радикальной антиполитики с большой долей криминальных действий* [17, 28]. Термин «антидеятельность» введен профессором Петербургского университета Г. В. Суходольским в 1975 году как общая научно-практическая категория, однако «материализовался» он внезапно в общественной жизни США, России и др. стран [28]. Именно это явление обусловило небывалые исторические последствия: СССР неуправляемо «пошел по ветви» дезинтеграции государства, раскола общества и путча 1991 года, расстрела Белого дома в 1993 году, почти полной остановки производства и криминализации всей экономики. Чуть ранее в США эту проблему преодолели и из политического кризиса вышли.

Радикальная антиполитика с криминальной поддержкой характеризуется тезисом «Нет человека — нет проблемы». В ней конкретный человек признается источником политического кризиса, и поэтому он или уничтожается, или изолируется, или шантажируется, или дискредитируется, или лишается полномочий и т.п. Так, с проблемой влияния частной собственности в СССР боролись с 1917 года, уничтожая ее владельцев единично и миллионами, а в 1985 году она выскочила как джин из бутылки целехонькая и здоровехонькая. Ошибка радикальной политики заключается в непонимании того, что проблема всегда находится вне человека и не зависима от него: люди уничтожены, а проблемы остались — те же и на том же месте. Поэтому радикальная антиполитика бессмысленна из-за своей интеллектуальной беспомощности даже с криминальной поддержкой. Антиполитика борется с симптомами общественного заболевания, криминально уничтожая его проявления в поведении людей и самих людей.

Научная политика с университетской поддержкой считает источниками политических кризисов не конкретных, якобы виновных людей, а проблемы технологии их жизнеобеспечения, и она решает эти проблемы, используя всю интеллектуальную мощь человечества. Была проблема энергоресурсов — появились новые эффективные ее источники (двигатели внутреннего сгорания, АЭС и пр.) Была проблема продовольствия — наука создала эффективные системы производства и хранения продуктов питания и т.д. Сам факт существования человечества и его несомненных успехов обеспечен не войнами и захватами чужих территорий, а открытиями ученых, вообще прогрессом мировой университетской науки.

Отказ понимать политику как науку привел к тому, что сначала потеряла силу интеллектуальная экспансия (научная мысль имеет нулевую ценность), затем перестало действовать правовое регулирование (ни один закон не выполняется), затем стало бессмысленным экономическое принуждение (почти весь народ живет с «черного нала»), а страна вошла в полосу массового физического насилия (судебная власть не функционирует) [18]. Очевидно, что подобный стиль никогда не приведет к восстановлению ни науки, ни закона, ни производства, ни государства. Почему в СССР и в России во всех пока ситуациях доминирует именно радикальная политика [23]? Где универсанты и почему их влияние столь несущественно?

Работа в аппарате Правительства РФ позволила познакомиться с организацией деятельности лиц, принимающих решения, и обнаружилось, что около них, рядом с ними работает огромное количество советников, консультантов, помощников с университетским образованием. И что многие политические акции готовятся именно ими! Почему же тогда универсанты позволили политике в России стать «радикальной антиполитикой». Почему научные концепции российской политики и их авторы оказались вытесненными из общественной жизни, как наивные и бесполезные простаки-теоретики [25]?

(Вообще, отношение серьезной научной интеллигенции и универсантов к политике — резко отрицательное. Надо сказать, что когда автор статьи с группой своих коллег приступил к научно-практической работе в области политики, то многие сотрудники университета не одобрили этого. Только поддержка ректоров СПбГУ С. П. Меркурьева, а потом Л. А. Вербицкой и декана факультета психологии А. А. Крылова позволили продолжить психологические исследования политики. Однако к 1994 году выяснилось, что около половины всех

психологов с университетским образованием вовлечены в обеспечение политической деятельности в составе самых разных партий, движений, административных структур, а универсанты в целом составляют основную долю официальных советников и консультантов действующих политиков. Еще ранее, в недрах социальной психологии, были предприняты попытки описать политику как науку, но исполнить это не удалось по не зависящим от авторов причинам.

К 1994 году стало ясно, что инициативу в политике захватили сторонники радикальных, секретных, хитроумных боевых акций. Лицо антиполитики стали определять разведка, контрразведка, деление одного народа на «своих» и «чужих». Словно и не было трагического опыта 1917 года, когда брат убивал брата, сын — отца, потом на месте деревень вырос чертополох, поля заросли лесом, а страна опять находится у разбитого корыта. К сожалению, универсанты не смогли или не захотели напомнить стране о бессмысленности подобного антиполитического опыта. Антиполитика стала пониматься и использоваться как средство психологического, физического, экономического подавления действительных и мнимых оппонентов, с которыми стали обращаться как с врагами. Антиполитика стала войной. Свершившаяся криминализация части политических сил привела к фальсификации информации и подлогам документов (избирательных, например), к физическим устраним яким якобы политических противников. Нападения, избиения, покушения, убийства стали в России обычным делом. Эти случаи не расследуются, убийцы не найдены, преступники не осуждены, потому что они являются порождением антиполитики, а правоохранительные органы политикой, хоть и радикальной, не занимаются. Стоит ли удивляться тому, что подавляющее большинство народа считает политику грязным делом! (Когда автор этой статьи лежал в больнице после покушения на него, к нему пришел ночью один из больных, вор в законе, и объяснил, что то, что произошло с автором, у них, воров в законе, именуется «подлянкой» и не применяется. Дословно он сказал так: «Это ваши интеллигентские штучки. Ищи среди своих университетских. Мы, если наказываем, то предупреждаем, и такого беспредела не творим»). Такой авторитет обрела российская политика и интеллигенция в кругах лиц, которых принято считать живым олицетворением зла!)

Но самым поразительным оказалось то, что многие специалисты по научной политике — универсанты очень быстро нашли общий язык с вос-

питанниками силовых структур, законным инструментом которых является физическое насилие. Многие универсанты, к сожалению, не только отказались от своего высокого предназначения, а стали активными разработчиками «политических операций», основанных на физическом, моральном, экономическом и правовом беспределе! Например, летом автор встретился с группой универсантов, обеспечивавших избирательную кампанию в одном из крупнейших городов России и услышал феноменальный вопрос: «Как научно обеспечить политические диверсии?»!! Группа симпатичных интеллигентов энергично интересовалась техникой провокаций, диверсий, шантажа и пр. действиями, которым обучают выпускников совершенно иных учебных заведений! Кстати, некоторые универсанты неплохо зарабатывают на радикальной антиполитике с криминальным содержанием.

Тем не менее понимание и признание политики как науки — не за горами. Проблема заключается в том, кто, как, какими методами, при каких условиях осуществит это чрезвычайно важное изменение. Кто объяснит и докажет без применения нецензурной лексики, что решение любой проблемы достигается поиском истины, ищется истина не на поле боя, а в университетских стенах? Такой оказалась, к сожалению, современная проблема университетского образования с точки зрения политики! Что же, универсанты — такие же, как все? Чему учили в российских университетах, к чему готовили, кого воспитывали? Оставлять все как есть? А если изменять, то что?

Традиционное обоснование. Если не универсанты, то кто?

Это обоснование должно ответить на вопрос: что изучают в университете, что такое особенное знают или по крайней мере должны знать выпускники и сотрудники университета?

Автор имел возможность участвовать в работе «групп мозгового штурма», которые были поставлены перед необходимостью решить фундаментальнейшие государственные задачи. Это происходило в 1989 — 1996 годах в зданиях на Старой площади в Москве, на государственных дачах в Кунцево и т.п. Для истории полезно знать, что доминировали в работе групп не универсанты, а выпускники профессиональных высших учебных заведений. Конкретные, практичные, решительные бывшие инженеры и экономисты на «мозговых штурмах» вели себя так, словно дело происходит на промышленном предприятии, где произошла авария.

Автор это все многократно видел и ранее, сам участвовал в многосуточных авралах на ракетном заводе и исполнен уважения к административно-инженерному корпусу [15, 19]. Но ушел с завода в университет не потому, что ракеты плохо делали, а потому, что (по его мнению) они не должны были взлететь по психолого-политическим причинам. В 1970 году в стране отчетливо ощущалось отсутствие психолого-политической силы, необходимой для того, чтобы поднять гигантский меч, выкованный перенапряжением всего народа. В том году эта точка зрения была более чем спорной, однако в 1991 году так и случилось: СССР без единого выстрела сдал свой гимн, флаг, присягу, открыл границы и развалился на части. Ракеты не взлетели. Это иллюстрация к вопросу о предмете профессиональной и университетской мысли. Без университетской научной политики никакие материальные и человеческие ресурсы не могут прийти в движение.

(Кстати, безапелляционность технократов так велика, что после выступления автора на заседании рабочей группы, писавшей текст Договора об общественном согласии со своими предложениями, его пропуск в 5-й корпус Старой площади был закрыт через 15 минут после выступления. Это был образец прекрасной организационной оперативности технократов, как черт лада из избегавших психолого-политического анализа концепции проекта Договора об общественном согласии! Кто помнит этот Договор?!)

Автор не ставит своей задачей возвысить университетское образование за счет образования не университетского. Просто каждому — свое. Универсант никогда «не введет крейсер в гавань и никогда не будет танцевать на сцене Большого театра», но то, что может и должен сделать универсант не делает никто. Утверждаю, что только университет учит тому «петушину слову», после произнесения которого заживляются больные политические ситуации. Дело в том, что в разных учебных заведениях учат совершенно разным вещам.

Университет, и только университет, дает образование, но не обязательно дает профессию и не дает специальности.. Университет вдохновляет и вооружает своих воспитанников для формирования целеобразования общества. Университет определяет, в каком направлении будет развиваться наука, техника, управление, культура и пр. Университетская наука решает проблему целеполагания (определения места и уровня развития общества), целенаправленности (направления, в кото-

ром будет развиваться общество, человечество, цивилизация), целеустремленности (ресурсов, которые можно и нужно задействовать для достижения нового состояния общества), целесообразности (приемлемости избранных ресурсов для достижения цели).

Специальный университет или любое профессиональное высшее учебное заведение дает профессию, но не обязательно дает образование. Специальные учебные заведения дают *средства* достижения целей, сформулированных в университете. Эти средства по своей сложности, научности равны университетским целям. Уникальные знания, умения и навыки позволяют их выпускникам решать проблемы энергетики, новых материалов, новых методов обработки, передвижения и т.п.

Среднее учебное заведение дает специальность, но не обязательно дает профессию и не дает образования. Среднее учебное заведение дает возможность пользоваться результатами, достигнутыми в университетах и в специальных высших учебных заведениях: управлять новыми и новейшими машинами, системами связи, транспорта, производства и пр. Точность, безошибочность, быстрота, адаптивность — их несомненные достоинства, вызывающие восхищение.

Можно уверенно сослаться на опыт Петербургского университета, всегда славного тем, что он в любых условиях выполнял миссию разработки целеобразования для человечества через открытия, воплощенные затем в средства нашей цивилизации (только для примера: В. И. Вернадский в учении о ноосфере, Д. И. Менделеев в химии, П. Л. Чебышев в математике, И. А. Бодуэн де Куртене в языкознании, Н. О. Лосский в философии, В. В. Платонов в истории, А. А. Блок в литературе, А. С. Попов в технике связи, П. П. Семенов-Тянь-Шанский в географии — список огромен. Семь лауреатов международной Нобелевской премии из одного из тысяч университетов мира — необыкновенное достижение: И. П. Павлов (1904), И. И. Мечников (1908), Н. Н. Семенов (1956), Л. Д. Ландау (1962), А. М. Прохоров (1964), В. В. Леонтьев (1973), Л. В. Канторович (1975). Выпускники университета даже вдали от Родины предвосхищают будущее человечества, как это делают экономист В. В. Леонтьев, физик И. Пригожин. Многие помнят, что Норберт Винер, основоположник кибернетики, учился в Петербургском университете, и именно здесь ему пришли в голову грандиозные мысли, изменившие направление развития техники и нашей жизни.

Петербургский университет выполнял и продолжает выполнять свою миссию поиска целеобразования для России и мира, но не всегда ему сопутствовал успех в области политических наук, наиболее актуальных сегодня для страны, Петербургский университет дал миру таких выдающихся деятелей, как П. А. Кропоткин, П. А. Столыпин, А. Ф. Керенский, П. Б. Струве, В. И. Ленин и др. Однако по разным причинам их концепции будущего оказались нереализованными, и, более того, — Россия оказалась на политических рубежах XVI столетия. Может быть, причина в том, что традиционно в российских университетах не изучалась научная политика? А знания в области политики приобретались несистемно, случайным образом, из сомнительных источников? Ведь П. А. Столыпин окончил физико-математический факультет, А. Ф. Керенский и В. И. Ленин были юристами и т. д.? Безусловно, и право, и математика являются обязательными составляющими политики, но только составляющими — в целом систематического образования в области научной политики Петербургский университет не давал никогда. И это обернулось трагедией для государства и народа, поскольку обобщенного университетского политического целеобразования Россия никогда не имела!

Россия не имеет таких политических выступлений своих лидеров, которые бы полностью (!) вошли в учебники истории и были предметом национальной гордости, как, например, выступления в периоды кризисов У. Черчилля («Two Wartime Speeches»), Ф. Д. Рузвельта («State-of-the-Union Address»), Э. М. Кеннеди («Truth and Tolerance in America») и т.п. [28]. Вообще, политически успешные страны публикуют сборники политических речей своих лидеров таким образом, что каждый новый лидер является преемником своих предшественников. В России же каждый новый лидер уничтожает тексты речей своего предшественника с уверенностью, что и его преемник тоже уничтожит тексты его речей. Надо ли искать другие подтверждения отсутствия у России долгосрочной геополитической концепции, преемственности политики и целеобразования на глубокую историческую перспективу? До каких пор страна будет решать исторические задачи на длину «копачьего бега»?

Более того, к большому сожалению, ни в СССР, ни в России за последние годы не появилось трудов типа книги Daniel Yergin and Thane Gustafson «Russia 2010», в которой они в 1993 году предполагали для России три возможных ветви разви-

тия: 1) «двуглавый орел», 2) «чудо», 3) «длинный путь», которые неизбежно к 2010 году сходятся в точке «капитализм — русский стиль»). Работают они оба в университетах — Daniel Yergin в Кембриджском университете, а Yale Thane Gustafson в Гарвардском университете и университете штата Иллинойс. Работа более чем спорная. Но таких исследований, касающихся будущего России, выполняется достаточно много в западных университетах, но их ничтожно мало в российских университетах. К чему это приводит?

Эффективная западная внешняя и внутренняя политика базируется на точном, научном, максимально обобщенном знании психолого-политического состояния общества и следующем из этого целеобразовании. Политика — грандиозная, строжайшим образом рассчитанная конструкция, опирающаяся на широчайшую систему глубоких познаний от философии до математики. Западные политики в своих решениях исходят из данных, которые прогнозируют все возможные альтернативы развития человечества на глубину в 50 — 150 лет!

Целеполаганию в политике посвящены более полусотни футурологических исследований состояния той точки, в которой находится человечество сегодня. Так, Римскому клубу были представлены доклады «Человечество у поворотного пункта» (М. Месарович, Т. Пестель. США, ФРГ, 1974), «Модели миропорядка» (С. Мендловиц. США, 1970 — 1987). Адаптации человека к стремительным изменениям в мире посвящен доклад Римскому клубу «Нет пределов обучению» (Д. Боткин, М. Эльманджра, М. Малица. США, Марокко, Румыния, 1979). Фундаментальная работа над полнотой и достоверностью картины мира лежит в основании футурологии и политического целеполагания.

Целенаправленности в политике посвящены исследования для «конструкторов будущего»: «Цели для человечества» (Э. Ласло. США, 1977), «Дороги, ведущие в будущее» (Б. Гаврилишин. Швейцария, 1980), «Проект «Реализуя возможное: позитивный путеводитель в будущее» (Д. Ричардсон. США, 1982). Такого рода исследования теоретически рассчитывают точку нового, более совершенного состояния общества.

Целеустремленности в политике посвящены исследования ресурсов отдельных стран и всей планеты: 1) сырьевых, 2) энергетических, 3) финансовых, 4) технологических, 5) информационных, 6) организационных, 7) интеллектуальных, 8) человеческих. Возможности общества «пресле-

довать одну и ту же цель» анализируются в фундаментальных исследованиях ресурсов. Известны доклады Римскому клубу «За пределами расточительства» (Д. Габор, У. Коломбо. США, 1976), «Энергия: обратный счет» (Т. Монбриаль. США, ФРГ, 1978), в Голландии подготовлено заключение по «Проблеме удвоения населения» (Г. Линеман. 1975). В докладе В. Леонтьева для ООН «Будущее мировой экономики» излагается 8 сценариев ее развития. Но все эти виды ресурсов, тщательно измеряемые в футурологических прогнозах, являются вторичными по отношению к главному ресурсу политики, ради которого они изыскиваются, добываются, покупаются, завоевываются, — 8) *человеческому ресурсу*.

Целесообразности в политике посвящены разработки проектов «нового мирового порядка», представленные Римскому клубу в исследованиях: «Пересмотр международного порядка» (Я. Тинберген, А. Долман. Голландия — США. 1976, 1981), «Семь сценариев завтрашнего дня» специалистов Станфордского университета США (П. Хоукен, Д. Огилви, П. Шварц, 1982). У универсантов есть свои проблемы, задачи, методы, которыми не должен заниматься выпускник иного учебного заведения. Не овладевая специальностью, профессией, а занимаясь как бы всем и ничем, они ищут перспективу, выход из положения, смысл жизни и цель деятельности для своих талантливых коллег из профессиональных учебных заведений. Решение проблемы целеобразования возможно только при наличии фундаментальных познаний в области многих наук одновременно: математики, биологии, психологии, истории, лингвистики...Всего того, что дает исчерпывающее представление о целостной картине мира.

Как только универсанты начинают специализироваться, профессионализироваться, поступать на обслуживание технологий достижения частных целей, исчезает главная цель их деятельности. А потому: целеобразование для современной России! Геополитическая концепция России! Ау! Где вы!?

Классическое обоснование. Лицо России

Это обоснование необходимо для обсуждения вопроса о предназначении выпускника университета. Заключается ли все отличие его подготовки в том, что универсант делает то же самое, что выпускники высших профессиональных учебных заведений (технических университетов, академий, институтов), но на базе менее конкретной подготовки и чуть лучшего общего образования? Подоб-

ная точка зрения активно распространяется в период финансового кризиса и необходимости сократить число учебных заведений ввиду «дыры в бюджете». С этим категорически нельзя согласиться. Нельзя забывать проблему подготовки разработчиков будущего России, материалы для геополитической концепции России, и не только России. Однако есть и другие, не менее грозные признаки ошибочности подобной точки зрения.

Последним политическим бастионом, который Россия не сдала к 1997 году, остается тезис об исторических заслугах России, исторической особенностях России, историческом предназначении России (Л. Н. Гумилев, 1989; П. А. Сорокин, 1992; А. А. Гостев, 1993). Это бесспорно, но заслуга в этом принадлежит тем, кто жил до нас. История каждой страны — это вклад ее народа в общую, всемирную историю. И принимается история любой страны миром в том случае, если ныне живущие ее наследники способны ее представлять. Где она — великая история инков, ацтеков, египтян? Нет сил у ее наследников стать ее преемниками. История подобна богатырскому мечу, который не каждый потомок способен поднять, так он тяжел. Или подобна капиталу, унаследованному или умным продолжателем, или бестолковым транжиром, пускающим наследство на ветер. У России есть опасность «проесть» свою великую историю, не имея достойных преемников.

История непременно персонифицирована, она создается, существует и помнится только в лицах людей, способных удерживать в своем сознании, в своей памяти, в своем интеллекте ее смысл и ее сложность (Е. Н. Трубецкой, 1922). Непрерывное воспроизводство человеческих ресурсов высшего интеллектуального качества — категорическое условие сохранения истории и признания ее всеми другими народами. Персонифицированная история — это Лицо страны, черты которого составляют ее выдающиеся люди, признанные всем миром.

Когда за рубежом произносишь слово *Россия*, то почти все кивают головами и говорят: «О, Достоевский» или «О, Толстой!». Психологи всего мира с пониманием говорят: «А, Павлов!». Других знают хуже, потому что отрицание научной политики сделало Россию «политическим островом», изолированной информационной территорией. Однако Россию знали, знают и будут знать по именам ее интеллектуалов. Именно они «нарисовали» в представлении других просвещенных народов Лицо России: лицо умное, интересное, привлекательное, рас-

полагающее, загадочное. Их знали далеко за рубежами страны, им верили. Они были интеллектуальными и гуманитарными лидерами не только России, но и всего мира. К ним ехали советоваться, учиться, делиться мыслями.

Очевидно, что как металлургам доверяют обеспечивать страну металлом, так университету доверено обеспечивать страну образованными людьми. Во все времена образование ценилось выше других ценностей. Чтобы дать детям образование, целые семьи отказывали себе в последнем рубле. Чтобы дать студентам образование, вся страна отрывала ресурсы от самых насущных забот. Детям, молодежью, получившей образование, гордились, как самым высшим достижением семьи и народа. Все страны и все народы всегда были готовы разделить со своими университетами последний кусок хлеба, поскольку именно в образовании видели перспективу своего выживания. Продукты университетского образования делали и делают то, чего не делает никто: они несут эстафету постижения смысла жизни, понимания окружающей действительности, высоких стандартов личного и общественного поведения даже в совершенно падшей общественной обстановке, когда, казалось, даже золото ржавеет.

Воспитанники Петербургского университета если даже и не стали учеными, то стали нравственными, эстетическими лидерами народа. Достаточно вспомнить петербургских универсантов И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, Л. Н. Андреева, отца и сына Гумилевых, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. В. Вересаева.... Это совершенно не противоречит предназначению университетского образования. Они стали известными, привлекли к себе внимание, потому что увидели мир, жизнь, Россию самым неожиданным, доселе неизвестным образом. Они описали жизнь и свою страну так, что ее стало невозможно не любить. Они увидели достоинства народа там, где до них видели лишь грязь. Они рассказали о перспективах России в тот момент, когда мало кто верил в ее будущее.

Их слова, мысли, чувства поддерживались и развивались другими универсантами, которые художественными методами исследовали жизнь и предсказывали будущее. Выпускники Петербургского университета М. И. Глинка, А. К. Глазунов, И. Ф. Стравинский, Е. А. Мравинский оказали феноменальное человеческое влияние на людей, которые слышали их музыку, которые видели их и говорили с ними. Весь мир следил за их судьбой, их приглашали для концертов, к ним ехали, с ними вступали в переписку, их

мнением руководствовались в принятии личных и общественных решений. И они оправдывали внимание к себе, интерес к их мыслям и чувствам — они вселяли надежду в людей, когда, казалось, жизнь прекращается.

Университет дал миру целые научные школы, позволившие преодолеть многие мировые проблемные кризисы. Это сделали школы Петербургского университета в области математики (В. И. Смирнов, Ю. В. Линник, А. А. Александров, Д. К. Фаддеев), физики (В. А. Фок, А. Н. Теренин, Е. В. Гросс, С. Е. Фриш), филологии (В. Ф. Шишмарев, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба), психологии (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, А. А. Крылов, В. А. Ганзен, Г. В. Суходольский) и т. д. Они нашли фантастические решения головоломных проблем, разрешили почти безнадежные ситуации своего времени.

Список выдающихся универсантов предыдущего периода велик и числом и значением. Кроме них, было множество других, которые остались неизвестными, но вселили в других людей веру, находясь в массе людей, они отвечали на самые запутанные вопросы, всегда стояли выше и вне примитивных споров, прекращали распространение ненависти и сеяли любовь между людьми тогда, когда целые народы и страны в безысходной ярости уничтожали друг друга. Они работали неустанно и бесконечно над проблемами, которые казались большинству ненужными и бессмысленными, невзирая на непонимание и неприятие. Так, И. П. Павлов свою смерть сделал объектом изучения!

Универсанты были сильны не только обширными знаниями, смелостью мышления, независимостью поведения, непреклонной требовательностью к истине, неустанным умственным трудом. Сам стиль их жизни, их облик были примером для подражания всем, кто собирался пуститься в долгий жизненный путь, и для тех, кто ослаб и пал духом, и для тех, кто разуверился в справедливости. Глядя на них, многие не опустили, не прекратили работу, не потеряли интереса к жизни, выполнили свою миссию в этом мире.

Угроза для страны заключается в том, что *персонифицированное* лицо России к 1997 году начало стираться. К этому времени страна пережила три волны утраты своих черт. В первой волне Россия потеряла большую часть своих выдающихся мыслителей, «создателей картины мира» — философов, писателей. После 1917 года страну покинули ярчайшие индивидуальности: ученые (П. Сорокин и др.), писатели (И. Бунин и др.), де-

ятели культуры (Рахманинов и др.), конструкторы (А. Сикорский и др.)...

Вторая волна унесла к концу 70-х годов воспитанников дореволюционных учебных заведений, которые восстановили после Октябрьской революции интеллектуальную мощь государства. Но ушли из жизни великие труженики, образцы твердой жизненной позиции: авиаконструкторы (Туполев, Яковлев, Ильюшин и др.), создатели космических ракет (Королев, Цандер и др.), писатели (А. Толстой, К. Паустовский, М. Булгаков и др.), ученые (Павлов, Бехтерев) и др. Они в свое время не только возродили национальную школу образования и воспитания, но и сформировали новые черты «лица СССР», привлекавшие к нему весь мир. Лицо умело, умно, талантливо «работающей России» ныне потускнело.

Третья волна к концу XX века угрожает смыть черты лица России, которые формируются яркими личностями, носителями непреклонного гражданского мировоззрения. К этому моменту умерли Б. Окуджава и В. Высоцкий, Е. Евстигнеев и Ю. Никулин... Печальный список утрат не просто слишком велик, а выглядит грозным предостережением для России.

Кто придет им на смену? Система непрерывных выборов в различные органы власти, Президента России внезапно показала, что страна обеднела людьми, которые известны, почетны, уважаемы. Даже бесспорные истины сегодня трудно сообщить народу, потому что их обязательно должны произнести национальные лидеры. Зарубежные представители не знают, к кому апеллировать, с кем вступать в диалог, чье мнение является мнением большинства народа. Юное поколение, решающее, какой стиль жизни выбрать, не имеет перед глазами, не слышит слова ярких личностей, способных стать образцом для подражания, примером для действий, эталоном совершенства. В России сложилось небывалое положение, когда из интеллектуалов остался известен едва ли не один только академик Д. Лихачев, выпускник факультета общественных наук Петербургского университета 1928 года (Ю. А. Ендольцев, 1997). Проблема заключается в том, что лицо страны формируется из граждан «единичных», неповторимых, неподражаемых. Где, в каком учебном заведении будут воспитываться носители обширных знаний, высочайшей культуры поведения, непреклонных нравственных принципов? Во всем мире это делают университеты. И у нас именно университеты должны формировать лицо России.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОДГОТОВКИ УНИВЕРСАНТА

Пафос первой части этой статьи объясняется тем, что речь в ней идет о подготовке универсантов как научно-общественных деятелей государственного, мирового масштаба вообще и как политических деятелей в частности. Универсант, с точки зрения автора, — это «политический человек» высшей квалификации [18, 24, 26]. Внимательное изучение биографий выдающихся ученых всего мира показывает, что ни один из них не смог избежать интереса к политике, как минимум, а как правило, активного исследования политики и участия в ней. Начиная с Аристотеля, Антифона, Гоббса и других с древности и до математика П. А. Столыпина и др.

Научная технология подготовки такого уровня людей никогда не была случайной — всегда это была осмысленная система, формировавшая универсантов особым университетским образом. Вообще, за обучением и воспитанием, как известно, стоят целые научные школы.

Например, целое направление психологии (ассоциативная психология) создавалось для обеспечения систем воспитания «полезного работника». Тогда была создана система внедрения в долговременную память стереотипного поведения методами предъявления, опирающимися на принципы удовольствия-страдания. В интересах науки, промышленности, военного дела того времени удалось добиться в процессе воспитания большой точности стандартных действий на совмещенных во времени и пространстве сходных элементах. Другое обширнейшее направление в психологической науке — бихевиоризм — создавалось для воспитания «нужного человека», т.е. человека с заданными качествами. Открытия бихевиористов позволили сформировать в долговременной активной памяти воспитанника алгоритмы поведения человека на основе причинно-следственных связей. В основу бихевиористской педагогики были положены методы побуждения, поиска закономерностей. Не менее грандиозная отрасль психологической науки — гештальтпсихологии — тоже создавалась с сугубо практическими целями: формирование «умного человека». Так был выработан феноменологический метод, т.е. выработка способности к инсайту, творческому подходу в организации поведения методом переструктурирования элементов изучаемой ситуации. Потребности XX века требовали создания нового направления — инженерной психологии, психологии труда и эргономики. Задача была совершенно практическая: во избежа-

ние техносферных катастроф систем человек—техника из-за ошибок человека потребовалось воспитание «безошибочного человека-оператора». В основу теоретических моделей «человеческого фактора» была положена способность быстро, безошибочно воспринимать информацию, перерабатывать ее, принимать правильные решения и своевременно действовать.

В Петербургском университете нашего времени система воспитания и образования универсантов формируется на кафедре педагогики и педагогической психологии, которой длительное время руководила акад. Н. Б. Кузьмина, а в последние годы эту работу возглавляет проф. В. А. Якунин [16]. Поэтому далее статья будет ограничиваться проблемами подготовки универсантов как научно-общественных деятелей, равнодушных к политике и способных играть в ней значительную роль.

Начиная с Я. А. Коменского в системах воспитания человека властвовали строгие систематизированные критерии этой работы. Коменский ввел в практику понятия «мудрости, мужества, умеренности и справедливости» как цели воспитания. Для достижения этих целей он создал педагогические принципы «систематичности, последовательности, сознательности, коллективизма, ясности, прочности, упражнения и повторения, наглядности». Выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский ввел в педагогику идеи «совершенства, внутренней свободы, благорасположения, права». Б. Г. Аваньез оставил после себя целую волну учеников, обладающих в первую очередь исключительно высокими гражданскими качествами, а во вторую очередь — широкой эрудицией в области психологической науки. Подготовка «политического универсанта» требует своей системы понятий, адекватной политике и технологичной в исполнении [9, 10, 11]. Многообразный научный мир подготовки универсанта к научно-общественной жизни и политической деятельности может быть описан как система, последовательно состоящая из *типа, класса, раздела, отдела, отряда, семейства, рода* и, наконец, *вида* развития, образования, воспитания и деятельности универсанта, как политического человека в итоге. Каждый из элементов системы может иметь какое угодно содержание в зависимости от целей подготовки специалиста. Каждое следующее качество обязательно строится на предыдущем. Замена содержания какого-либо компонента, например, типа или семейства или иного, приводит к подготовке универсанта к совершенно другой деятельности, никак не связанной с политической. Это не значит, что в итоге такой

замены будет подготовлен плохой ученый, а только то, что он не будет заниматься и интересоваться ни политикой, ни общественной деятельностью.

ОБЩЕЕ РАЗВИТИЕ УНИВЕРСАНТА

Тип развития универсанта.

Мотивы

Тип развития характеризует наиболее глубокие психолого-педагогические процессы, приводящие к подготовке людей принципиального различного жизненного предназначения. Тип означает такую модификацию природных потребностей человека в социально-приемлемые мотивы общественного поведения, которая позволяет ему исполнять совершенно определенные социальные роли в научно-политической жизни страны и мира (А. Н. Леонтьев, 1984; А. Г. Ассес, 1976; Х. Хекхаузен, 1986; А. Maslow, 1954). Эту задачу приходится осознанно или интуитивно решать всем людям, вольно или невольно вовлеченным в процесс воспитания или самовоспитания. С типом активности связана проблема «биологизации поведения», длительное время обсуждавшейся в советской науке и к которой, очевидно, придется вернуться современной российской психологии. Время реформации дало столько фактического материала, чтобы сильно озадачиться «вскипанием» в современном человеке в определенных условиях совершенно диких животных инстинктов и поступков. Учитывать этот феномен чрезвычайно важно для формирования психологии универсанта.

Потребности человека имеют множество классификаций, но в данном случае использовалась классификация автора [3]. По потребностями понимались четыре неосознаваемые базальные, первичные факторы динамизации поведения человека:

1. *Потребность в сохранении жизни (безопасность, защита от боли, страха, гнева, голода, холода и пр.).*

2. *Потребность в продолжении рода (любовь, нежность, признание, эмпатия, самоотверженность и др.).*

3. *Потребность в сотрудничестве (самоактуализация, самоуважение, достижение, идентификация и т.д.).*

4. *Потребность в ориентации (понимание, осмысление, знание, представление о месте, времени, своем состоянии и отношении к себе других людей).*

Все вместе они обеспечивают жизнеспособность человека, и поэтому природа создала непреодолимую защиту потребностей от внешних влия-

ний. Однако при грамотной работе на основе потребности в сохранении жизни формируется *мотив достижения*, проявляющийся в непрерывном, одобряемом обществом развитии, самосовершенствовании, усилении своих способностей. За счет их и совместно с другими людьми создаются все новые и новые элементы безопасности (запасы, резервы, маршруты, средства передвижения, обнаружения, лечения, поражения и пр.). На базе потребности в продолжении рода развивается *мотив созидания*. Его признаками является стремление к строительству, обустройству, стабильности, творчеству и др. (жилища, производство, запасы, безопасность детей, развитие культуры, вообще государственность.). Потребность в общении трансформируется в *мотив сотрудничества*, который проявляется в необходимости совместного производства, проживания, развлечений, обмена опытом и т.д. (население городов и поселков, трудовые коллективы, научные и общественные объединения, системы связи, единые нормы поведения и пр.). Потребность в ориентации сродни потребности в пище и воздухе: слепой, глухой человек в незнакомой местности абсолютно беспомощен. Потребность в ориентации перерастает в *мотив координации* своего поведения с реальностью, с другими людьми, иначе говоря — в стремление предвосхищать то, что произойдет в следующий момент, точно знать, что находится за поворотом, за горизонтом. Это основа для развития науки, образования, путешествий, распространения информации и др.

В подтверждение этому можно вспомнить мощнейшие общественно-политические мотивы деятельности Коперника, Я. Гуса, погибших на костре и преодолевших природную потребность в жизни. Сила Истины для интеллектуала многократно сильнее силы страха, боли, смерти [18]. Формирование мощных социально ориентированных мотивов приводит к полному растворению в них биологических потребностей индивида. Но процесс формирования человеческой мотивации на базе его потребностей таит множество проблем и нерешенных задач.

Класс развития универсанта.

Самоидентификация

Класс развития универсанта отличается от класса развития в других системах педагогики тем, что университетская традиция делать умозаключения, исходя только из истинности-ложности фактов, переносится им на формирование своей личности, индивидуальности, стиля труда и жизни.

Развитие универсанта в большей степени является продуктом его личного труда, нежели влияния внешних авторитетов. Глубина понимания проблем, оригинальность решений, нетривиальность выводов, независимость мнения выводит универсанта из круга формирования унифицированных, стандартных личностей и вынуждает самого определять себя, свое место в мире и отношения с другими людьми (М. Buber, 1958; Lecky Prescott, 1945; A. Maslow, 1964; G. Allport, 1961; H. S. Sullivan, 1953). Только таким образом создаются условия для формирования единичной индивидуальности, личности универсанта. Интеллектуальная независимость, социальная неповторимость, нравственная устойчивость, свобода в своей научной и общественной активности отличают ее.

В большинстве совершенно замечательных высших учебных заведений способы формирования личности и индивидуальности стандартизируются внешними обстоятельствами, регламентированностью знания и профессионального поведения (служебные уставы, должностные инструкции, профессиональные нормативы поведения и др.). Там тоже есть совершенно замечательный класс развития, но совершенно иного характера. Обязанность отстаивать свое видение мира, свои решения вынуждают универсанта искать и «строить» свое неповторимое лицо.

На базе мотива достижения развивается способность к *самоконтролю*. Среди множества правил и моделей поведения людей в обществе, санкционируемых и ожидаемых запретов, норм универсанта выбирает те, которые, по его мнению, наиболее соответствуют его жизненным задачам. Он сам выбирает и постоянно следит за степенью расхождения между избранными эталонами поведения и контролируемыми переменными собственного поведения. Формы самоконтроля универсанта традиционно заключались в ведении личного дневника, откровенной аналитической переписке с друзьями, исполнении личных планов достижений и т.п. В качестве эталонов поведения для универсантов выступали выдающиеся ученые С.-Петербургского и других университетов с творческими вариациями, обусловленными временем (Г. С. Никифоров, 1977; K. Horney, 1950; R. White, 1959).

На базе мотива созидания формируется способность универсанта к *саморегуляции*. Смысл саморегуляции в том, что универсанта сам выбирает для себя социальную роль с обязательным выполнением предписанных для нее прав и обязаннос-

тей. Социальная роль может быть совершенно новой, но хорошо обоснованной этически и исторически. Если выбор сделан, то саморегуляция определяет его достижения в борьбе мотивов, свойственной каждому человеку. Следование избранной роли предполагает огромные психологические усилия, и еще большие усилия расходуются на преодоление искушений, уводящих от избранной роли ученого и общественного деятеля (В. Я. Ядов, 1987; J. Rof-Carballo, 1952; E. Fromm, 1947; C. Rodgers, 1961).

Мотив сотрудничества позволяет развить *самоуправление* универсанта. Он избирает в огромном спектре ценностных ориентаций свою, единственную, и следует только ей, соответствующей его универсантскому предназначению. Человеку, избравшему судьбу деятеля государственного и мирового масштаба, приходится быстро и безапелляционно маневрировать среди массы возможностей легкого достижения целей неуниверсантского характера. Внешнее управление спасти от влияния примитивных ценностей не в состоянии — только самоуправление решает эту задачу (E. Erikson, 1964; B. Boelen, 1964.)

Развитие мотива координации обнаруживается в признаках *самовоспитания* — самостоятельном развитии личности универсанта для выполнения своей научно-общественной роли. Здесь универсанта решает для себя проблему высшего уровня — определения той цели, «к которой человеку следует стремиться». Цели универсанта никогда не совпадали и не совпадают с целями большинства общества: материальное обогащение, максимальный телесный комфорт, удовлетворение самолюбия, а может, и тщеславия отдаляют его от способности искать решения проблем человечества, о которых 90% общества не желает знать, пока оно «не заболит», и за решение которых обычно вовремя не хочет платить. Вся исследовательская деятельность универсанта, как правило, выполнялась на инициативной основе, часто вопреки одобрению окружающих людей (R. Blake, 1964; T. Kroeber, 1967; H. Guntrip, 1963).

Ночные бдения Кеплера, вычислявшего орбиты планет, не поощрялись ни его семьей, ни посетителями пивной, где он днем разносил пиво. Излишне говорить, были бы сегодня астрономия, космонавтика, наше представление о Вселенной такими, которые позволяют Человеку считать себя венцом мироздания. Универсанта должен обладать таким уважением к своей деятельности и к себе, которые намного превосходят то уважение, которое ему может оказать общество.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ УНИВЕРСАНТА

**Раздел воспитания универсанта.
Культура**

Классических универсантов всегда отличало подчеркнутое благородство, выдержка, спокойствие, хладнокровие в самых эмоциональных ситуациях, доброжелательное, заинтересованное отношение к людям и их проблемам. Знание и понимание определяет психическое состояние универсанта, предвосхищающего развитие событий в той среде или системе, где он находится.

Психологически универсанта, как все люди, всегда находится между двумя полюсами группы психических состояний: положительным и отрицательным, иначе именуемыми трудным или отрицательным состоянием (Н. Д. Левитов, 1964; Е. П. Ильин, 1968; В. А. Ганзен, 1965; А. Б. Леонова, 1969; Т. А. Немчин, 1983; В. Л. Маришук, 1969; Ю. П. Забродин, 1983 и др.). Как правило, универсанта обладает такой подготовкой, что постоянно удерживает себя в области положительных значений каждого психического состояния.

Мера развития самоконтроля универсанта проявляется в характере его *эмоциональных состояний* — реакция на меру удовлетворения потребностей организма в жизненных ресурсах (вызываемых влиянием материальных факторов внешней среды и организменных факторов внутренней среды: жажды, голода, гипоксии, сексуального напряжения, страха, ужаса, паники и др.); Эмоциональные состояния включают в себя: любопытство — скуку, готовность — растерянность, дружелюбие — враждебность, сытость — голод [18, 24].

Развитая саморегуляция отчетливо отражается в характере и уровне *практических состояний* универсанта, как реакции на объем расходования рабочей силы для достижения поставленных целей (возникающие в процессе трудовой деятельности утомление, напряжение, монотония, тревожность, стресс, функциональный комфорт, отсутствие мотивации, индифферентное состояние). Полюсами здесь являются крайние значения пар: энергичность — утомленность; расслабленность — напряженность; спокойствие — тревожность; хладнокровие — стресс [21].

Степень эффективности самоуправления универсанта проявляется в его *мотивационных состояниях* — реакция на характер межличностных отношений в обществе между участниками научно-общественного процесса (связанные с осознанием своей причастности, необходимости, полезно-

сти всему обществу и конкретному человеку: аттракция и волнение, радость и горе, наслаждение и страдание, эйфория и гнев, экстаз и ярость, и др.). В группу мотивационных состояний входят пары: симпатия — антипатия; синтония — асинтония; восхищение — возмущение; любовь — ненависть [24].

Уровень самовоспитания универсанта оценивается по степени проявления *гуманитарных состояний*, как реакции на качества научной информации, сопровождающей процесс познания научной картины мира [13]. По нашей классификации к психическим состояниям, обусловленным интенсивными поисками информации, установлением ее истинности, доказательством ее валидности и т.п., относятся антонимичные пары состояний: терпимость — принципиальность; расположенность — критичность; общительность — замкнутость; комфортность — фанатичность [19, 18].

Внешние проявления каждого психолого-политического состояния достаточно однообразны, всегда имеют сходные вегетативные признаки: более или менее показательную динамику психомоторики и мимики, изменение цвета кожных покровов лица, изменение частоты и глубины дыхания, эффекты рассеяния внимания и амнезии памяти, утрата логичности мышления, экспрессию эмоциональности высказываний и пр. Но существуют они только во время воздействия вызвавшего его стимула. Поэтому, при одинаковых неспецифических проявлениях психического состояния, оно имеет в каждом случае свою специфическую психолого-политическую причину и механизм, о которых знает универсанта и которыми сознательно владеет.

**Отдел воспитания универсанта.
Взаимодействие**

Универсанта живет среди людей, которые не всегда разделяют его мнение, не всегда понимают ситуацию, в которой они находятся, сами пытаются оказать на него воздействие с целью изменить его точку зрения и поведение. У универсанта нет табельного оружия, финансов и т.п., чтобы убеждать других в своей правоте. Его оружие — методы интеллектуально-психологического влияния на знания, сознание, а потом и поведение других людей. Он владеет ими в совершенстве, применяет по назначению, использует адекватно конкретной ситуации, научно-общественной задаче и этике универсанта [14, 15, 24].

Из его арсенала нельзя изымать *принуждение*, которое представляет из себя далеко не простую

технику воздействия, требующую особого владения своими эмоциональными состояниями. Принуждение — организация быстрого и точного исполнения стереотипных действий собеседника со ссылкой на законы, традиции, уставы и другие нормативы поведения. Целью принуждения является безусловное выполнение его требований. Техника принуждения не направлена на немедленное запрещение нежелательных действий, а содержит указание единственного разрешенного варианта поведения. Нет варианта — нет и принуждения. Принуждение эффективно в том случае, если партнеры по сотрудничеству в равной мере связаны ответственностью перед законом за исполнение действий, которые одна сторона обязана выполнить, а другая сторона в такой же степени обязана добиться их выполнения.

Совершенно иное психологическое взаимодействие универсанта с окружающими опирается на исключительно стабильные положительные практические состояния. *Внушение* основывается на механизмах суггестивного влияния универсанта — неконтролируемого со стороны воздействия через личное общение (В. М. Бехтерев, 1908). Используется готовность партнера встать в позицию самооценки своих ощущений, восприятий, представлений, мыслей. Формируются его чувства, настроения, эмоции. Существом внушения является то, что универсанта не дает партнеру повода для возражений или критики. Он ни в коем случае не настаивает на немедленном исполнении нужного ему правильного действия.

Развитые личные мотивационные состояния являются основой для применения *убеждения*. Психологически тактика универсанта опирается на психологию убеждения — целенаправленную и систематическую подготовку собеседника к определенной роли в системе общественных отношений. Целью убеждения является формирование у собеседника фиксированной нравственной установки на его ответственность и причастность к достижению конкретной общественной цели. Условием для осуществления убеждения являются положительные отношения между собеседниками. Отношения доброжелательности должны сопровождаться наличием авторитета и взаимоуважения у партнеров по обсуждаемой проблеме. Существом убеждения является значимость задачи, стоящей равно перед собеседниками.

Наиболее трудной и по настоящему «университетской» является технология *доказательства* — приведение поведения людей в соответ-

ствие с действительностью на основе фактов, в которых отражены закономерности природы и общества. Позитивные гуманитарные психические состояния — главный гарант успеха. Доказательство опирается на точную, полную информацию, неопровержимую логически и фактически. Доказательство возможно только в том случае, если диалог ведется в пределах интеллектуального обсуждения вопроса без перехода к методам эмоционального давления. Никто из оппонентов ничего не запрещает своим партнерам и не требует что-либо немедленно исполнить. Собеседник универсанта сам принимает решение о правильном выводе, но может сообщить об этом некоторое время спустя. Это наиболее сложная психологическая технология, требующая очень высоких соматических, психологических и интеллектуальных кондиций участников [5, 6, 24].

Необходимо честно констатировать, что к 1997 году в России разучились что-либо доказывать друг другу. Доказательству, когда Истина является арбитром в споре, противопоставлены все мыслимые и немыслимые формы насилия: от суггестии до автомата Калашникова. Совершенно не действует убеждение ввиду распространяющегося презрения к моральным нормам и Закону. Масса людей вообще разучилась излагать свои мысли, а политики демонстрируют экзальтированные формы поведения как единственный аргумент своей правоты. Универсанта несут прямую и главную ответственность за чистоту языка и ясность мысли в стране.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ УНИВЕРСАНТА

Отряд признаков образования универсанта. Картина мира

Подготовка универсанта для большой общественной жизни, поиск нетривиальных научных решений, независимой личной позиции, неповторимого жизненного пути приводят к ярким внешним проявлениям в его поведении. Главным качеством универсанта является определенность его отношения к жизни. Он становится носителем и распространителем обоснованного и сильного стандарта смысла жизни, а значит, — эталоном, ориентиром для всех, кто осознал проблему и ищет ее решение (Е. Н. Трубецкой, 1922).

Универсанта, имея систематически дело с решением сложнейших интеллектуальных проблем,

естественным образом приходит к специальному университетскому *образу жизни*. Ему приходится устанавливать режим дня, работы, отдыха, вырабатывать свое отношение к питанию, одежде, вещам, алкоголю, наркотикам, животным, окружающей среде и т.д. Страсть к книгам и путешествиям или спорту, сдержанность в питании или развлечениях обосновываются тем, что на решение научной проблемы универсанта уходят годы, десятилетия, иногда вся жизнь.

Мощный мотив созидания формирует не менее прочную *жизненную позицию*. Смысл ее в том, что труд принимается универсантом как обязательное условие любого успеха, что труд понимается им как высшая награда, как признание особых достоинств и способностей любого человека. Без труда универсантом не мыслится ни научное открытие, ни решение проблем общества и конкретной личности. Эта позиция диаметрально противоположна позиции людей, не способных трудиться, не желающих работать, презирающих чужой труд. Универсант точно знает, что отрицательное отношение к труду ведет к личной деградации человека, бессмысленности бытия. Это позволяет универсанту быть защищенным от псевдокультуры, романтизации распада психики, морали, психологического и физического самоубийства. Труд, научный поиск, служение обществу является основной формой существования универсанта. Ни научное открытие, ни предвидение будущего, ни подготовка людей к жизни в условиях новой реальности не даются без непрерывного, тяжелого личного труда универсанта (А. И. Кравченко, 1987; А. И. Юрьев, 1988).

Ясное, организованное мировоззрение дает универсанту осознание того, что он может, должен делать, чем ограничена его воля и на чем базируется его вера. Все это компоненты стройного, осознанного, выверенного в деталях *мировоззрения*. В море всевозможных религий, сект, богов и идолов, вождей и идеологий разобраться без университетского образования невозможно. Мировоззрение универсанта строится лично им, только на достоверно известных ему фактах, проверяется железной логикой точных наук. Универсант не должен навязывать никому своего мировоззрения, но оно распространяет свое благотворное влияние на окружающих людей в процессе совместной деятельности. Все люди уверены в себе и окружающем мире много меньше, чем универсант, который научно обосновал систему

своих отношений с миром.

Главное отличие универсанта от других людей — это обширнейшая и точнейшая картина мира, насколько позволяют ему его научные знания. Обыкновенно люди располагают только лишь фрагментами картины мира, познанными из профессии, специальности, социального опыта и т.п. Как правило, источники этих фрагментов несистемны, случайны, получены от сомнительных оракулов. Нигде кроме университета, не ставится задача создания полной, основанной на достоверно известных элементах картины мира. Только в университете преподается весь возможный цикл дисциплин от гуманитарных до точных. Обладание полной и точной картиной мира составляет главное богатство, основной капитал универсанта, который невозможно ни купить за все богатства мира, ни завоевать, победив другие народы и государства. Поэтому именно универсанту придется ориентировать человечество на пути в неведомое будущее, координировать действия нетерпеливых вождей и разочарованных народов [24].

Совокупность этих четырех плодов университетского образования и является главной причиной многовековой поддержки университетов обществом и государством. Всегда наступает такой день и час, когда общество осознает безысходность радикальных антиполитических акций и обращает свой взор к университетам с вопросом: что дальше? Понять, что дальше, можно только в случае, если университеты сохраняются и у них будут ответы на эти вопросы. Пришлось же восстанавливать Петербургский университет, открывать заново исторический, юридический и другие факультеты после их суматошного разгрома в 20-е годы!

Семейство особенностей образования универсанта. Понимание

Когнитивные системы в разных учебных заведениях строятся по совершенно различным основаниям. Развитие университетской когнитивной системы изложено Н.И.Сазоновым (1886), который еще в прошлом веке, работая с Петербургском университете, ввел критерии для различения знания и понимания, ума и разума. Вся система образования сложилась таким образом, что университет ориентирует своих выпускников на понимание проблем и развитие разума. Иные же учебные заведения, готовящие специалистов-профессионалов высшей квалификации ориентированы на передачу своим студентам знаний и развитие их профессионального ума

(по терминологии Н.И.Сазонова).

Ум профессионала связан с практической деятельностью, он способен ошибаться, он не самостоятелен, придан другим способностям, является их орудием для достижения конкретных известных целей. Он не имеет своих задач и поэтому бездействует и ослабевает, когда нет деятельности. Ум питается знанием. *Знание* происходит по причине, ограниченной простым сознанием того, что предмет существует. Ум ограничивается теми признаками и формами, которые доступны органам чувств. Знание отрывочно, бессвязно, оно не соединяет различных явлений в одно целое, неразрывно скрепленное внутренней причинной связью. В знании все случайно и необъяснимо. Знание увеличивается через простое прибавление одних знаний к другим. Каждое приобретенное знание замкнуто в самом себе и не вызывает необходимо нового знания, ограничивается внешними признаками и наружными формами, но не внутренней природой познаваемого явления.

Разум же университета, напротив, связан с теоретической деятельностью, он — нечто замкнутое и глубоко самостоятельное. Не человек обладает разумом, а он живет в человеке, покоряя его волю и желания, но не покоряясь ему. В самом себе разум носит свою цель и скорее заставляет человека забывать о всех нуждах и потребностях, нежели служить им. Внешняя деятельность подавляет его. *Понимание* образуется с целью. Понимание раскрывает то, что лежит под внешними предметами и формами, то, что производит их. Цель понимания — постигать отдельные явления в их взаимной связи, понимать целое, части которого составляют это явление. В понимании все необходимо и понятно. Понимание совершенствуется, становится глубже и полнее. Истины соединяются только в понимании. Понимание образуется при господствующем участии человеческого разума, и чувства — только орудие для него. Разум неодинаков у различных людей, и понимание свойственно им не в одинаковой степени (В. Г. Лейбниц, 1939; Н. И. Сазонов, 1886; А. А. Брудный, 1975; А. В. Брушлинский, 1979; Т. М. Дридзе, 1976; И. А. Зимняя, 1976).

Выпускник высшего профессионального учебного заведения обладает развитым умом и обширными знаниями, которые по произволу использует для решения конкретных профессиональных задач. Университет совершенствует разум и добивается понимания проблем, которые

кажутся неактуальными сегодня, но которые помимо его воли определяют всю его жизнь и всю его деятельность.

НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСАНТА

Род качества деятельности универсанта. Качества информации

Самым большим достоинством университетского образования является научная информация, создаваемая университетом. Она резко отличается от основной массы информации, подготовленной для массового потребителя искусными «кулинарами» из средств массовой информации, специалистами маркетинговых институтов, издателями множества книг и журналов. Их информация агрессивно ищет и находит потребителя, легко усваивается, создавая иллюзию информационной «сытости». Университет создает информацию совершенно иного рода, а его главная социальная ответственность заключается в качествах этой информации (Б. Ф. Ломов, 1984; А. А. Крылов, 1972; И. Р. Гальперин, 1981; А. Р. Лурья, 1979; В. Ф. Петренко, 1988, Ю. А. Шерковин, 1973 и др.).

Информация университета отличается одновременным присутствием в ней восьми качеств, из которых каждое последующее строится на предыдущем качестве. Отсутствие хотя бы одного из них делает всю информацию более или менее непригодной для использования. Как отсутствие соли в пище, снижает ее качество вплоть до полной непригодности.

Информация об изучаемом, обсуждаемом, анализируемом объекте должна быть *объективной*. Без нее любые действия в отношении объекта обсуждения приведут только к отрицательным последствиям. В основе объективной информации лежат ее достоверность, доказанная научными методами, и ее полнота, исключающая утрату любой части сведений об объекте. За стенами университета объективная информация часто сознательно или непроизвольно фальсифицируется — подделывается, искажается, подлинное подменяется ложным. Фальсификации порождают бредовые научные и общественные идеи — неправильные, не соответствующие истинному положению вещей суждения, абстрактные теории и т.п.

Целью деятельности университета является создание *системной* информации, в которой представлено взаимовлияние всех научных дисциплин, изучаемых в университете, и обладающей мощным

прогностическим содержанием. Дальновидность и ответственность обязательны для создателей системной информации. Вне университета под видом системной информации часто подбрасывается ее подобие — информация дезориентирующая, неправильно определяющая местонахождение общества в историческом процессе, экономическом состоянии, отношениях с иными народами и государствами. Она порождает сверхценные псевдообщественные идеи, не носящие откровенно нелепого характера, но субъективно имеющие столь большое значение, которого они не заслуживают. Сила сверхценных идей в том, что они освобождают множество людей от тягостной необходимости думать — решение в этом случае просто, цель легко достижима!

Особое значение имеет способность универсанта создавать *организованную* информацию в общепринятой современной форме, регламентированной требованиями к рукописям для издания, диссертационным исследованиям, компьютерным системам и т.п. Неспособность организовать информацию провоцирует отказ от норм поведения, авторитетов, морали, как оправдание слабой интеллектуальной и поведенческой культуры. Поэтому организованная информация подменяется «деморализующей информацией» — трансформирующей нравственные ценности, подталкивающей к вульгарному вандализму, разрушению, осквернению культурных традиций. Подобная информация провоцирует «скачок идей», который следует из нарушении последовательности умозаключений, утверждений отрывочных, хаотичных, мыслей незавершенных, поведения непоследовательного.

Универсанта оперирует «*достаточной* информацией», что означает не «как можно больше», а «как можно меньше» — тот абсолютный минимум, который необходим для понимания и действия, но который не перегружает восприятия, памяти, мышления получателя информации. Достаточная информация может подменяться «энтропийной информацией», приводящей к «информационной смерти» (по аналогии с «тепловой смертью»). Это означает, что вместо краткой, убедительной и доказательной информации воспроизводятся, сообщаются все возможные точки зрения от самых лапидарных до самых фантастических. Тысячи газет, книг, оракулов, авторитетов на тысячи ладов толкуют элементарные вещи и делают известное — неизвестным, понятное — непонятным, ясное — неясным. Но при этом доминируют наиболее примитивные, мистические, бредовые объяснения. Информационная избыточность может привести к

феномену «навязчивых идей» — мыслей, от которых хочется, но невозможно избавиться.

Универсанта создает «*читабельную* информацию», ясно, понятно и убедительно дающую новые алгоритмы и стереотипы поведения. Сообщаемые сведения адаптируются к тезаурусу получателя информации. Читабельная информация может подменяться «дезинформацией» — ложными сообщениями, которые вводят в заблуждение под видом истинных. Результатом таких информационных процессов становится стремительно развивающаяся «бессвязность мышления» — правильное восприятие частных фактов, но неспособность к синтезированию частных фактов в целое. Известные представления, понятия, мысли утрачивают их истинную историческую связь, разрываются. Известные факты не продуцируют соответствующих мыслей, а нанизываются друг на друга случайным образом, превращаясь в набор отрывочных фрагментов, не имеющих смысла. Информационная ткань разрывается на бессмысленные фрагменты, из них формируется ошибочная научная картина мира.

Универсанта защищен от растерянности перед огромным миром непознанного, гипотетического, обладая «*конкретной* информацией», позволяющей ее реализовывать в реальном времени и пространстве. Ее противоположностью является «дезорганизирующая информация», т.е. расстраивающая систему научного знания, разрушающая порядок деятельности, приводящая к развалу планов и программ. Осуществляется подобное поведение методами «научного резонерства», признаками которого являются абсолютно бессодержательные, бедные мыслью схоластические выступления, облеченные в витиеватую и очень правильную грамматическую форму. Они тиражируются, распространяются, изучаются, заучиваются людьми и вызывают у них недоумение, беспомощность при поисках смысла в высказываемых резонера.

Универсанта создает «*практичную* информацию», которая оценивается по ее действенности в процессе реальной работы. Помимо теоретических основ изучаемых дисциплин он создает технологические сведения получения новых данных, методов их обработки, применения на практике в общественной жизни. Практичной информации противостоит «развращающая политическая информация», побуждающая к запрещенным действиям: цель становится всем, средства — ничем, не благие средства используются для достижения благого результата, право истины замещается правом силы и т.д. Распространение развращающей

информации порождает феномен «разорванности мышления», при котором понятия и представления сочетаются друг с другом на основе случайных или формальных признаков. Менеджерская изобретательность перерождается в бессовестные ссылки на очевидные истины, которые безо всяких логических оснований сопрягаются с действиями, из этих истин не следующими.

Универсант формирует для исполнения «необходимую информацию», под которой понимаются сведения, без наличия которых невозможно достижение целей получателя информации. Часто необходимая информация подменяется «дизинтегрирующей информацией», разъединяющей неразрывно связанное целостное множество научных фактов на соперничающие, противоборствующие точки зрения. Дисциплинированные исполнители обнаруживают вдруг с помощью такой информации неразрешимые противоречия в отношениях с изучаемым явлением, с коллегами. Тогда разрушаются установленные причинно-следственные отношения и пр. Возникает ситуация настолько запутанная, неразрешимая, что выходом из нее могут быть только «компульсивные идеи» — нелепые мысли, бессмысленные действия, но которые не вызывают сомнений из-за убежденности, что иначе действовать в создавшихся условиях невозможно. Носители компульсивной идеи осознают бессмысленность своих действий, но преодолеть влечение к ним не могут, как алкоголик понимает пагубность своего влечения, но контролировать себя не в состоянии [18, 24].

Подготовка универсанта, позволяющего создавать информацию со всеми перечисленными высокими качествами, отличает его от коллег из других учебных заведений, формирующих профессиональную информацию с исключительно высокими, но немногочисленными качествами.

Вид смысла деятельности универсанта. Целеобразование

Венцом деятельности универсанта является способность к *целеобразованию*. В отечественной психологии целеобразование понимается как процесс порождения новых целей в деятельности человека. Целеобразование представляет собой сложное явление и состоит из: а) целеполагания, базирующегося на информационно-познавательных процессах общества, переосмысливающего адекватность состояния общества; б) целенаправленности, проявляющейся в характере политических партий, выбирающих направление развития общества; в) целеустремленности, опирающейся на во-

левы качества лидеров и народов, побуждающих к политическим переменам; г) целесообразности — определяемой реальными психосоматическими возможностями людей достигать поставленную цель. Если целеобразование вообще дифференцировать на целеобразование оперативное, тактическое и стратегическое, то только политическая деятельность имеет своим предметом стратегическое целеобразование общества. Проблема цели как осознанного образа предвосхищаемого будущего относится к числу вечных проблем психологии политики.

Современный вариант цивилизации является практической реализацией теоретического проекта политики, который основывается на *целенаправленности*. Этот проект, как любой иной, может быть и рискованным, и ошибочным, и неудачным, потребовать огромного труда и, может быть, жертв. Человечество движется в неведомое будущее с вероятными экологическими катастрофами, перенаселенностью, истощением ресурсов и т.п. Целенаправленность предполагает создание «карты» психолого-политических состояний общества, сравнимые по точности и полноте с географическими. Подобные попытки возобновляются в каждом новом поколении универсантов. Их предпринимали выдающиеся авторы: Антифон, Сократ, Платон, Аристотель, Гоббс, Локк, Кант, Гегель, Маркс, Руссо, Макиавелли, Тард, Ломброзо, Бехтерев и др. Значение политики заключается в том, что именно она и только она определяет точку начала координат $X = 0, Y = 0$ в пространстве психолого-политических состояний общества. Целенаправленность является вынужденным действием, обусловленным объективными причинами, — проблемами в системе жизнеобеспечения общества.

Целенаправленность дает начало психологии *целенаправленности* — выбору направления развития общества, перехода из неудовлетворительного психолого-политического состояния в состояние удовлетворительное. Целенаправленность рисует образ желаемого будущего, к которому устремляются массы народов, ради которого совершаются поступки политических лидеров. Концепция будущего — причина ярых политических споров, вооруженных конфликтов, покушений, правительственных переворотов. Тайна будущего — содержание всех идеологических учений, существо взаимной интеллектуальной экспансии в средствах массовой информации.

Целенаправленность порождает *целеустремленность*, которую Р. Аюфф и Ф. Эмери определили как способность объекта действовать целеу-

стремленно, т.е. продолжать преследовать одну и ту же цель, изменяя способы преследования при изменении внешних условий (Р. Акюфф, Ф. Эмери, 1974). Такое упорство возможно при наличии достаточных ресурсов: 1) сырьевых, 2) энергетических, 3) финансовых, 4) технологических, 5) информационных, 6) организационных, 7) интеллектуальных, 8) человеческих. Проблема политической целеустремленности заключается в том, что для достижения целей политики общество настойчиво применяло физические средства модификации поведения людей, используя для этого все: от теории света до пороха, от паровой машины, электрического тока до динамита, от открытия рентгеновских лучей, радиоактивности, расщепления атома до атомной и водородной бомбы.

(Подобной целеустремленности не наблюдалось в исследованиях политической психологии человека. Если не брать в расчет методы манипуляции сознанием человека извне за счет средств массовой информации, развития психофармакологии и т.п., достижения в области психологии развития общества за счет внутренних ресурсов человека (его интеллектуальной, волевой, эмоциональной, нравственной сферы) несравненно малы рядом с достижениями физики, химии, биологии по преобразованию материального мира. Между тем движущей силой политической целеустремленности является человеческий ресурс, его психологические параметры: он будет главной надеждой и опорой политики на рубеже информационного века).

Конец XX столетия знаменуется трудной переоценкой реальности достижения целей современной цивилизации. Не все политические проекты признаются правильными и бесспорными. Некоторые проекты оказались неосуществленными из-за своей нецелесообразности, хотя были обеспечены исследованиями на целеполагание, целенаправленность и целеустремленность. *Целесообразно* то, для осуществления чего хватает времени. Например, никто не пытается сегодня предпринимать межпланетный полет к звезде Альфа Центавра потому, что даже с недостижимой сегодня скоростью 3000 км/с, он длился бы 4260 лет. Нечто подобное происходит в политической жизни: проекты реформирования общества должны быть соотнесены со временем, которым располагают реформаторы [18, 24].

Анализ уставов многочисленных политических партий России показывает, что они не являются политическими в буквальном смысле слова из-за отсутствия в них четкого целеобразова-

ния. Способность к такой выдающейся деятельности, как целеобразование, достигается только в конце достаточно длинной цепочки развития универсанта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Б. Г. Ананьев мечтал о всестороннем описании Человека. Создав труд «Человек как предмет познания», он продолжил российскую традицию Ушинского, автора «Человка как предмета воспитания». Это можно понимать как предложение потомкам продолжать серию изучения «человека как.....». Среди других фундаментальных связей человека с миром одной из самых актуальных представляется человек как предмет политики, человек как предмет власти... Без такого описания и без подготовки университетских кадров в области научной политики никакие стабилизационные процессы в обществе невозможны.

Пока трудность заключается в том, что законы механики Ньютона признаются обязательными для манипулирования с физическими объектами, законы Ома и Кирхгофа обязательны для передачи электрического тока, но не все согласны, что законы политики обязательны для управления обществом. Недоверие к научной политике сравнимо с былым недоверием к полетам аппаратов тяжелее воздуха.

Для сомневающихся в необходимости перехода от радикальной антиполитики к научной политике полезно вспомнить эпизод дискуссии, происходившей в актовом зале Петербургского университета в 1906 году между студентами историко-филологического факультета Н. В. Крыленко и А. А. Виленкиным. Когда дискуссия стала приобретать научный характер, Крыленко прервал ее, предложив Виленкину попить чаю. Закончивший университет и тяготевший к научной политике А. А. Виленкин стал военным комиссаром Временного правительства, но был расстрелян его политическими оппонентами осенью 1918 года. А закончивший Харьковский университет и тяготевший к радикальной антиполитике с криминальным подтекстом Н. В. Крыленко (эпизод расстрела Генштаба русской армии и др.) стал первым советским Верховным главнокомандующим, и тоже был расстрелян своими соратниками в 1938 году. Радикальная антиполитика, порождающая чудовище криминального политического террора (ныне ласково именуемого «беспределом»), пожирает своих создателей с такой же неизбежностью, как и их действительных и выдуманных противников.

Это напоминает, что политическая власть — самая грозная энергия, в поле которой человечество может как развиваться, так и погибнуть. Когда пришла нужда, то человечество бросило все силы на исследование сил тяготения, электричества, магнетизма, радиации и пр. Демографическая и ресурсная ситуация на планете подошла сегодня к тому пределу, когда все силы должны быть брошены на поиски психологических законов политической власти. Точно так, как когда, были брошены все силы на создание ядерного и термоядерного оружия. Ресурсы, открытые физиками, химиками, биологами, геологами, становятся угрожающе недостаточными для жизнеобеспечения общества.

Есть только один выход из положения: приступить к подготовке профессиональных политиков в российских университетах. Не упрощать технологии этой подготовки, отдавая себе отчет в ее чрезвычайно сложности. Поручить или по крайней мере разрешить университетам разработку политических проектов для России как объектов строго научного исследования. Изучить Человека как предмет Политики. Очень надеюсь, что Б. Г. Ананьев одобрил бы эту идею.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. Л., 1977.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
4. *Анисимова Т.В.* Политическая психология: Методические указания. СПб., 1992.
5. *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898.
6. *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
7. *Бехтерев В.М.* Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб., 1911.
8. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1923.
9. *Ганзен В.А.* Восприятие целостных объектов. Л., 1974.
10. *Ганзен В.А.* Системный анализ мышления // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 6. 1990. Вып. 1.
11. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л., 1984.
12. *Ганзен В.А., Юрьев А.И.* Психологическое описание труда для целей трудового воспитания // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 6. 1985. № 6. С. 51—59.
13. *Ганзен В.А., Юрьев А.И.* Системное описание психических состояний, возникающих в процессе восприятия информации // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 6. 1987. Вып. 1. С. 50—59.
14. *Крылов А.А., Юрьев А.И.* Этические принципы и правила работы психолога // Практикум по экспериментальной прикладной психологии. Л., 1990. С. 264—271.
15. *Крылов А.А., Юрьев А.И.* Человек и техника: психологический аспект // Человек, наука, производство. Перспективы развития / Ред. И. М. Рогов. Ч. 1. СПб., 1992. С. 18—32.
16. *Основы вузовской педагогики* / Под ред. Н. В. Кузьминой. Л., 1975.
17. *Суходольский Г.В.* Основы психологической теории деятельности. Л., 1988.
18. *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. СПб., 1992. 228 с.
19. *Юрьев А.И.* Психологические проблемы обеспечения труда человека в СЧТС // Эргономика. Ред. А. А. Крылов, Г. В. Суходольский. Л., 1988. С. 45—74.
20. *Юрьев А.И., Филимонову Ю.И., Васильев В.К.* Политическая психология // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. 1991. Вып. 4. С. 35—43.
21. *Юрьев А.И.* Классификация и диагностика отрицательных практических состояний // Вестник Ленингр. ун-та. 1983. № 23, вып. 4. С. 83—88.
22. *Юрьев А.И., Юрьева М.А.* Психология политического сознания (существования политических партий) // сб. докладов XVIII Всемирного конгресса по политической психологии (25—29 июля 1995 года), Вашингтон, США., С. 31—34.
23. *Юрьев А.И.* Выборы глазами политического психолога // Власть. 1996. № 4. С. 15—24.
24. *Юрьев А.И.* Системное описание политической психологии: Дисс. ... д-ра психол. наук. СПб., 1997.
25. *Юрьев А.И.* Классификация политических партий России // Власть. 1997 № 7. С. 17—28.
26. *Burzel J. H.* Anti-Politics in America. N.Y., 1967.
27. *Lane R. E.* Political man. N.Y., 1972.
28. *Hampton-Turner C.* Radical man. N.Y., 1971.
29. *Great Speeches for criticism & analysis* Ed. Rohler L.E., Greenwood, Indiana., 1988.